

Двойнин А.М., кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, г. Москва, (Россия), alexdvoinin@mail.ru

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ДУХОВНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье обосновывается кризис категории «религиозность» в психологии и констатируется тенденция к популяризации концепта «духовность». Утверждается, что «религиозность» не обозначает какой-либо психический феномен, а фактически используется в качестве оценочного конструкта, позволяющего категоризировать социальных индивидов и маркировать их конфессиональную принадлежность. Духовность не следует противопоставлять религиозности: обе категории многомерны и должны изучаться на разных уровнях психологического анализа. Автор полагает, что необходимо создавать многомерное понятийное пространство, в котором можно будет определить конкретное место категориям «религиозность» и «духовность», а также проводить их корректную (ре-)операционализацию.

Ключевые слова: религиозность, духовность, психологические категории, понятийное пространство, операционализация.

Категория «религиозность» является одной из базовых для психологов религии и регулярно используется в психологических исследованиях верующих. Большую популярность в последние годы среди психологов также получила категория «духовность», некоторыми рассматриваемая как синоним религиозности, а некоторыми – как принципиально отличающаяся от нее.

Категория религиозности в качестве рабочего психологического конструкта стала оформляться в исследованиях, посвященных изучению личности верующих. Важной заслугой исследователей религиозной личности стала операционализация понятия «религиозность», что предоставило широкие возможности для развития психометрических исследований в психологии религии.

Создание всевозможных психометрических шкал и поиски между ними разнообразных корреляций и зависимостей надолго стало увлекательным

занятием для зарубежных исследователей и отчетливым трендом в эмпирических психологических исследованиях религиозности. Однако подобный «наскальный» (от англ. scale – шкала) подход привел к воспроизводству огромного массива слабо структурированных эмпирических данных, которые при недостатке концептуализации оказались по сути бесполезными – психологи значимо не продвинулись в построении обобщенных теорий религиозности. Сами результаты эмпирических исследований во многом противоречат друг другу, так как часто совершенно непонятно, какая измеряемая психическая реальность (мотивация, система смыслов, когнитивный стиль и т.п.) лежит за операциональными измерениями религиозности.

Исследователи религиозности по-разному трактуют ее психологическую сущность: религиозность рассматривается как психическое свойство, как комплекс личностных черт или как некая психологическая структура, включающая в себя религиозный опыт, религиозную веру, религиозное сознание и религиозное поведение. При этом нередко ученые ведут споры о том, какая психическая реальность стоит за понятием «религиозность», не замечая того факта, что, независимо от декларации тех или иных теоретических взглядов, чисто практически категория «религиозность» часто служит исследователям лишь «маркером» для идентификации верующих, индикатором их конфессиональной принадлежности.

Таким образом, категория «религиозность» не является эмпирическим психологическим понятием, т.е. не обозначает какой-либо психический процесс, свойство или состояние, а фактически используется в качестве *оценочного конструкта*, позволяющего (в соответствии с теорией социальной идентичности Г. Тэшфела – Дж. Тернера) категоризировать социальных индивидов, а также служащего инструментом маркировки их идентичности. А это значит, что бессмысленно спорить о том, каковы

психические структуры, образующие религиозность, или каковы ее психические механизмы, ведь религиозность – это конструкт.

Важно также понимать, что религиозность выражает принадлежность человека *определенной конфессии*, другими словами, данная категория конфессионально специфична. При этом необходимо учесть, что в современных цивилизационных условиях (мультикультурных, поликонфессиональных и информационно открытых) происходят реальные изменения форм религиозности. Потому понятие «религиозность», фиксирующее принадлежность верующего к той или иной религиозной традиции просто перестает адекватно «работать»: ученые описывают такие новые феномены как «религиозность без принадлежности» (G. Davie) [3], «лоскутная религиозность» (R. Wuthnow) [9], «бриколаж» (Д. Эрвье-Леже) [2] «православный атеизм» и пр. Ставшие традиционными для психологии религиозной личности типологии (например, внешняя и внутренняя религиозные ориентации) уже не обладают значимой дифференцирующей силой. Как верно заметила Д. Эрвье-Леже, современный человек «...строит свой духовный и религиозный микромир из калейдоскопа разбросанных повсюду элементов, почти всегда вырванных из того символического синтаксиса, который позволил бы их адекватно “прочитать”» [2, с. 260]. Поэтому современным психологам, занимающимся проблемами изучения религиозности, предстоит большая теоретическая работа над преодолением описанных сложностей, без чего дальнейшие эмпирические исследования будут малоэффективными.

В этих условиях, которые мы можем описать как *кризис категории «религиозность»*, отечественный социолог М.Ю. Смирнов предлагает в методологических целях отказаться от данного конструкта в принципе [1]. Подобным же образом, американский психолог D.M. Wulff ставит вопрос о возможном отказе от употребления понятий веры (belief) и неверия (unbelief) при работе с верующими [8].

Признавая справедливость такой постановки вопроса, мы считаем, что психологам следует (где это возможно) пользоваться более емкими и точными категориями, нежели «религиозность». Таким образом, данный конструкт естественным образом либо выйдет из употребления, как слишком неопределенный и недифференцированный, либо начнет обозначать некоторую конкретную психическую реальность, например, мотивы, смыслы или отношения верующего, вместо того, чтобы быть оценочной категорией. Вместе с тем, мы можем отметить появление таких понятий как «религиозный стиль» (Н. Streib) «религиозный интеллект» (В.Ф. Чеснокова, В.Ф. Федоров и др.) и т.п., призванных либо конкретизировать абстрактную категорию религиозности, либо стать ей альтернативой.

В то же время в психологии религии обозначился тренд на использование понятия «духовность» как комплементарного или альтернативного категории «религиозность». В.Ж. Zinnbauer & К.И. Pargament, анализируя различные варианты соотношения данных категорий, проводимых исследователями, отмечают, что духовность как нечто личное, субъективное динамичное, функциональное, связанное с поисками человеком конечных смыслов и целей в жизни, нередко противопоставляется религиозности как статичным институциональным, традиционным и ритуальным проявлениям веры [10]. Также, как пишут вышеназванные авторы, религиозность, трактуемая как явление институциональное, догматическое и теологическое, некоторые ученые ставят в оппозицию духовности, основанной на эмоциях или опыте. В.Ж. Zinnbauer & К.И. Pargament приводят в качестве примера последнего варианта определение духовности, данное D.N. Elkins et al.: духовность – это «способ существования, который начинается с осознания трансцендентного измерения, и характеризуется определенными ценностями в отношении себя, других, природы, жизни и всего, что человек считает Предельным (Ultimate)» [4, с. 10].

Критикуя любую поляризацию духовности и религиозности и приводя в качестве аргументов примеры исследований, показывающих, что люди склонны оценивать себя одновременно и религиозными, и духовными, В.Ж. Zinnbauer & К.И. Pargament приходят к выводу о том, что религиозность и духовность – это культурные «факты», не сводимые к другим процессам и явлениям, а сами категории – многоуровневые и связаны с биологическими, когнитивными, аффективными, социальными, личностными, моральными и др. феноменами. Ученые подчеркивают, что сущностные и функциональные аспекты есть как у духовности, так и у религиозности. При этом невозможно не согласиться с авторами в том, что путаница в изучении духовности и религиозности возникает тогда, когда разные исследователи определяют эти категории *на разных уровнях психологического анализа*, но не оговаривают этого специально (например, и религиозность, и духовность можно рассмотреть на уровне генетических или мозговых механизмов, на аффективно-когнитивно-поведенческом, личностном, социальном, общекультурном, глобальном уровнях и т.д.). Примером такой ошибки может служить определение религиозности как социального явления, а духовности – как индивидуального и их последующая поляризация [10]. В.Ж. Zinnbauer & К.И. Pargament предлагают свои варианты определений духовности и религиозности: В.Ж. Zinnbauer определяет духовность как личный или групповой поиск священного, а религиозность – как личный или групповой поиск священного, разворачивающийся в традиционном контексте священного; К.И. Pargament полагает, что духовность – это поиск священного, а религиозностью называется поиск значимостей (significances), каким-либо образом связанных со священным [10].

Р.А. Emmons описывает «подлинную духовность» как состояние «поиска смысла, единства, связанности с природой, человечеством и трансцендентным» [5, с. 877]. Поиск священного, смысла жизни и личностной реализации присущ духовному функционированию человека, полагает К. Skrzypinska [7]. На основе анализа работ D.N. Elkins et al. [4] и

L.L. LaPierre [6] можно определить некоторые психологические особенности духовной взгляда на мир: духовный человек признает трансцендентное измерение жизни, наличие в ней цели и смысла, ощущает собственную миссию в ней, разделяет ценности альтруизма и священного отношения к жизни и др.

В настоящее время создано достаточно большое количество психометрических шкал, призванных измерять духовность. Вот некоторые из них:

- 1) Daily Spiritual Experiences Scale (L.G. Underwood)
- 2) Index of Core Spiritual Experiences (INSPIRIT) (J.D. Kass, R. Friedman, J. Leserman, P.C. Zuttermeister & H. Benson)
- 3) Spiritual Experience Index – Revised (V. Genia)
- 4) Spiritual Orientation Inventory (D.N. Elkins et al.)
- 5) Spiritual Belief Scale (J.A. Schaler)
- 6) Spiritual Belief Inventory (J.C. Holland et al.)
- 7) Spiritual Assessment Inventory (T.W. Hall & K.J. Edwards)
- 8) Spiritual History Scale (J.C. Hays, K.G. Meador, P.S. Branch & L.K. George)
- 9) Spiritual Transcendence Scale (R. Piedmont)
- 10) Spiritual Well-Being Scale (R.F. Paloutzian & C.W. Ellison)

И хотя, действительно «заземление» духовности к конкретным психическим явлениям – жизненным целям, смыслам, ценностям, мотивационной направленности и т.п. – предоставляет хорошие возможности для эмпирических психологических исследований, большинство данных шкал измеряют лишь один или несколько названных аспектов духовности: либо аффективную, либо религиозную, либо мотивационную и т.п. стороны.

Следует помнить, что «духовность» – категория *многомерная*, а значит и ее операционализация должна многосторонней.

Со своей стороны, мы также можем добавить, что духовность вполне возможно трактовать не только как теоретический конструкт или психическое явление, но и как особый *уровень бытия личности*. Личность может функционировать преимущественно на разных уровнях:

1) биологическом уровне, обслуживая свои органические потребности и стремясь к получению удовольствия (*витальная личность*);

2) социальном уровне, удовлетворяя потребности в социальном принятии, достижениях, карьерном росте и т.п. (*социетальная личность*);

3) духовном уровне, когда личность реализует потребности действовать и жить ради чего-то выходящего за пределы всех конечных форм бытия (трансцендентного), ради высших ценностей и идеалов, а также ради выполнения собственной миссии (*духовная личность*).

Вокруг категории «духовность» в настоящее время также идет большая словесная баталия: вводятся понятия «духовный интеллект» (С. Wigglesworth), «духовные способности» (В.Д. Шадриков); духовность встраивается в качестве компонента в структуру одаренности (Л.И. Ларионова), в психологию привносится представление о негативной духовности (С.К. Бондырева, Д.В. Колесов и др.) и мн. др. Не все эти попытки можно считать успешными, в первую очередь, в виду того, что многие авторы (в особенности, это касается российских коллег) не удосуживаются вести содержательный и аргументированный диалог с другими исследователями духовности, а также создают свои концептуальные построения умозрительно, не пытаясь «вписать» их в имеющийся корпус психологического знания. Как следствие, «столкнуть» эти построения в едином проблемном поле, то есть поставить их на единое основание для сравнительного анализа аргументации не представляется возможным. Поэтому и эвристический потенциал таких построений невысок. Происходит *кумулятивное приращение знания, но нет прогресса в понимании*. Думается,

что отнюдь не лишней для сравнения и сопоставления разных концептуальных построений будет разработка и формулировка *методологических требований* к концепциям, использующих конструкт «духовность».

Отдельная задача, которая должна быть решена при психологическом изучении духовности, – это преодоление сакрального отношения к самой проблеме духовности, которое нередко обнаруживается в научной психологии в форме умозрительных рассуждений религиозно ориентированных и/или философствующих психологов. Например, некоторые православные психологи выражают, как нам кажется, не продуктивную позицию, пытаясь «разом» отместить все научно-психологические наработки зарубежных ученых лишь на том основании, что, дескать, те трактуют духовность поверхностно, как это якобы свойственно протестантской культуре. Мы полагаем, что, поскольку психология – наука эмпирическая и не сводится к теоретизированию, то концепты «религиозность» и «духовность» (если мы не отказываемся от них) необходимо операционализировать, причем делать это в четких методологических рамках.

Обобщая вышеизложенное, следует заключить, что сейчас настало время переосмысления столь популярных категорий, как «религиозность» и «духовность». Данное переосмысление предполагает не умножение и без того многочисленных дефиниций, произвольно даваемых психологами, выражающих тем самым свое частное мнение, а серьезную работу по выстраиванию многоуровневого и многомерного понятийного пространства, в котором можно будет определить конкретное место данным конструктам, и, проведя соответствующую корректную (ре-)операционализацию, сделать их надежным и эвристичным инструментом научного поиска.

Литература

1. Смирнов М.Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Том 16. – Вып. 2. – С.145–153.
2. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 1 (33). – С.254–268.
3. Davie, G. (2002). *Europe: the Exceptional Case. Parameters of Faith in the Modern World*. London: Darton, Longman and Todd.
4. Elkins, D.N., Hedstrom, L.J., Hughes, L.L., Leaf, J.A. & Saunders, C. (1988). *Toward a Humanistic-Phenomenological Spirituality*. *Journal of Humanistic Psychology*, 28, 5-18.
5. Emmons, R.A. (1999). *Religion in the Psychology of Personality: An Introduction*. *Journal of Personality*, 67 (6), 873-888.
6. LaPierre, L.L. (1994). *A Model for Describing Spirituality*. *Journal of Religion and Health*, 33, 153-161.
7. Skrzypinska, K. (2014). *The Threefold Nature of Spirituality (TNS) in a Psychological Cognitive Framework*. *Archive for the Psychology of Religion*, 36, 277-302.
8. Wulff, D.M. (1999). *Beyond Belief and Unbelief. Research in the Social Scientific Study of Religion*, 10, 1-15.
9. Wuthnow, R. (2007). *America and the Challenges of Religious Diversity*. Princeton: Princeton University Press.
10. Zinnbauer, B.J. & Pargament, K.I. (2005). *Religiousness and Spirituality*. In R.F. Paloutzian & C.L. Park (Eds.), *Handbook of the Psychology of Religion and Spirituality* (pp. 21-42). N.Y., London: The Guilford Press.

Dvoinin A.M., candidate of psychological sciences, assistant professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow, (Russia).

**RELIGIOSITY AND SPIRITUALITY AS PSYCHOLOGICAL
CATEGORIES: ABOUT RESEARCH PROBLEMS**

Abstract: The crisis of “religiosity” category in psychology is grounded in this article, the tendency of “spirituality” concept to become popular is stated. One claims that “religiosity” does not label any kind of mental phenomenon, but is used, in fact, as an estimative construct that helps us to categorize social individuals and to indicate their religious belonging. One shouldn’t oppose spirituality and religiosity: both categories are multidimensional and must be studied within different levels of psychological analysis. The author suggests to create a multidimensional conceptual frame within which category “religiosity” and “spirituality” can be placed, as well as to (re-)operationalize them correctly.

Keywords: religiosity, spirituality, psychological categories, conceptual frame, operationalization.